

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Земерова Т. Ю. Погребальний обряд Червоногусаровского могильника // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. – Харків, 1997. – С. 45 – 51.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський; А. О. Баскакова

Погребальный обряд Червоногусаровского могильника салтовской культуры

В 1993 г. Средневековая экспедиция ХГУ под руководством профессора К. Михеева приступила к систематическим раскопкам могильника салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка Балаклейского района Харьковской обл. Результатом 4 лет раскопок явились 144 погребения, вскрытых на площади 889 м². Задачей настоящего исследования является первичная обработка данных погребальному обряду могильника, определение основных черт обряда и их взаимосвязи, по возможности - интерпретация полученных результатов. Таким образом, главная цель - это комплексное изучение погребальной традиции поселения, оставившего памятник. В ходе обработки материала была использована методика статистической характеристики могильников В.Ф. Минга [5].

Погребальный обряд - это обряд перехода в иной мир не только по времени, но и по пространственной организации ритуала [4, с. 3]. Он состоит из двух взаимосвязанных компонентов. Первый включает традиционные ритуальные действия, происходящие до, в момент и после похорон. Именно эти действия необходимы для перевода в потусторонний мир. К сожалению, археологические находки не дают возможности охарактеризовать эту часть обряда: во-первых, не все ритуальные действия определены, во-вторых, даже в случае фиксации материальных остатков смысл и содержание поступков совершивших людей реконструируются с трудом, а любое предположение субъективно. Второй компонент характеризует социальное положение умершего и состоит из набора материальных элементов: погребального сооружения, инвентаря, позы покойного. Археологи имеют дело прежде всего с этой частью обряда, которая дает сведения для дальнейшей интерпретации полученных данных [1, с. 4]. В силу своего характера погребальный обряд чрезвычайно консервативен и эволюционирует медленно. Сюда реже всего проникают новшества, и поэтому он является прекрасным источником для изучения

идеологической стороны жизни людей, социальной и имущественной дифференциации, этнической принадлежности, демографические характеристики населения, оставившего могильник. Этот материал нельзя получить из других археологических источников, так как погребальный обряд наиболее антропоцентричен.

Итак, начнем с анализа погребального сооружения. Большая часть покойных Червоногусаровского могильника была похоронена в яме прямоугольной формы (122 погребения, или 83%). В трапецевидных ямах погребено 10 человек (7%). В 13 случаях форма ямы не была определена (9%). Форма ямы не связана с полом или возрастом погребенных. Размеры ям пропорциональны росту находившихся в них покойных. По этому признаку ямы можно условно разделить на 3 группы: 1- до 120X90 см., 2- до 160X95 см., 3- 250X115 см. Глубина колеблется от 60 до 170 см.; наиболее распространены 100-150 см. В 85 случаях (59%) прослежены деревянные конструкции разных типов и степени сохранности. Чаще прочих встречались гробы-рамы (76 или 89,4% всех деревянных сооружений), представлявшие собой дощатые обкладки ямы; в 25 случаях они имели перекрытия в виде продольно или поперечно расположенных досок (33% всех рам). В 5 погребениях обнаружены только остатки перекрытия (5,9% деревянных конструкций), которые клали специально предназначенные для этого заплечики, располагавшиеся обычно по периметру ямы, либо на торцевых, либо на боковых стенках ямы. Высота заплечиков около 15 см. Также в 7 случаях на заплечики опиралось перекрытие рамы. В 3 погребениях сохранились фрагменты гробов (3,5%). Только в одном захоронении зафиксирована подстилка, очевидно, из коры. Не исключено, что подобный обычай был более распространен, однако разложение тканей позволяет сказать об этом определеннее.

Важной характеристикой погребального обряда является ориентация покойных по сторонам света, так как она связана с представлениями древних о загробном мире. Для настоящего могильника традиционна ориентировка головой на запад по точке заката солнца. Поскольку в различные времена года солнце варьирует точки заката и восхода, представляется возможным по азимуту определить время захоронения умершего. Азимут удалось зафиксировать в 13 погребениях (96%). Установлено, что большая часть захоронений сделана в кон-

ени либо начале весны (79, или 57%). Много смертей приходилось на зиму (2, или 24%). В начале осени или конце весны погребено 13 человек (9,4%). других захоронений нет. Кроме того, ряд погребений изначально имели юго-западную ориентировку и потому не подлежат определению (13, или 9,4%). Возможно, такое нарушение традиции основывалось на особом положении покойного или факте необычной смерти. Подтверждение тому то, что в 7 случаях юго-западной ориентировки в погребении находился покойный со следами ритуального обезвреживания либо плохо сохранившийся костяк ребенка, о чем пойдет ниже.

В 121 погребении покойные лежали в вытянутом положении на спине. Ноги прямые, только слегка согнута правая нога и единожды ноги были скрещены. Положение рук разнообразное и, очевидно, произвольное. Наиболее часто руки скрещивали на животе (57, или 40,4 % от определенных костяков). Другие варианты положения рук менее распространены: правая рука вдоль туловища, левая на животе (12, или 8,5 %), левая вдоль туловища, правая на животе (10, или 7 %), обе руки вдоль туловища (8, или 5,7 %), правая рука на груди, левая на животе (4, или 2,8 %), левая вдоль туловища, правая на груди (1, или 0,7 %). Одно погребение ребенка было на боку в скорченном положении.

Отдельно отметим обряд обезвреживания умерших, наблюдавшийся на Новоогусаровском могильнике в 24 погребениях (17%). Ритуальное обезвреживание покойников свидетельствует о представлениях, в соответствии с которыми возможны тесные контакты миров живых и мертвых [4, с. 25]. Чтобы усопший член общины не навредил оставшимся в живых, над телом производили определенные ритуальные действия, которые обеспечивали неподвижность или безвредность погребенного. Методы были различные - от скрещивания ног до полного разрушения костяка, но все они имели одну вышеуказанную цель. Обряд имеет аналогии на других грунтовых могильниках салтовской культуры (Тайловском, Красногородском и др.), а потому не является исключением из общего круга памятников. Не каждый покойник представлял реальную опасность для общества. Обезвреживали людей с определенным социальным статусом, возможно, представителей некоторых ремесел (гончаров, кузнецов - из-за их постоянного общения с огнем как божественной силой), погибших естественной смертью, "ушедших" до срока, прежде всего детей. Последнее

подтверждается данными Червоногусаровского могильника, где 62 обезвреженных - дети до 15 - 18 лет. Не исключено, что процентное соотношение было бы еще более внушительным в пользу детей, однако именно детские скелеты плохо сохраняются.

Чаще в рамках обряда изымалась или смешалась рука, либо отдельные ее части (14, или 58 % обезвреженных). В 8 погребениях отсутствовали или смещены кости ног (33 %). Столько же раз отсутствовали или находились не в своем месте другие части тела (череп, ребра и др.) либо был полностью перемешанный костяк. Зависимости между способом обезвреживания и возрастом подвергшихся этой операции нет.

Погребальный инвентарь на могильнике небогат. Наиболее распространена керамика: она обнаружена в 126 погребениях (87%). Керамика представлена двумя группами - местного производства и импортной. Особенностью некрополя является значительное количество крымского импорта - 55 сосудов (43% керамики). Это красноглиняные кувшины, нередко покрытые белым и желтым ангобом по тулову или шейке и плечикам (33, или 26%), кувшины эйнхоевидного типа (17, или 13,6%) и красноглиняные чашки (5, или 4%). Местная посуда делится на лепную и гончарного производства. Наиболее часто встречается гончарная салтовская керамика (43, или 34,4%): кружки (34, или 27%), кувшины (7, или 5,6%), а также встреченные в единичных случаях кубышка и половина кружки-братины. Лепная посуда в основном представлена горшками (24, или 19%), и только единожды обнаружен лепной кувшинчик, подражание эйнхое.

Керамика служила тарой для заупокойной пищи, что характерно для многих народов древности и средневековья. В данном случае это было, вероятно, питье. Посуду ставили обычно в головах: справа (62, или 50%), слева (47, или 38,8%) либо между черепом и торцом (2, или 1,7%). В нескольких случаях она находилась около плеча (7, или 6%), около таза (3, или 2,5%), в ногах (1, или 0,8%). Дважды сосуд был поставлен вверх дном.

Отдельно следует выделить стеклянные сосуды (3шт.), найденные в погребениях: это колба, бокал и бомбовидный флакон для косметических средств. По находению относительно погребенного они отличались от керамики: дважды стеклянный сосуд стоял в изголовье и один раз лежал возле таза.

Помимо посуды, инвентарь обнаружен в 60 погребениях (42%). В числе предметов чаще всего встречались бусы (33 погр., или 55%) - стеклянные, поликовые и бисер, а также каменные. Количество бус могло быть различным, от нескольких штук до нескольких десятков, составлявших богатые ожерелья. Бусы были не только украшением, но и выполняли функцию оберега. Это касается, прежде всего, сердоликовых и крупных глазчатых бус; последние тогда не входили в состав ожерелий, что подтверждает их особое значение. По распространенности категорией вещей являются серьги (21, или 35%). В основном это бронзовые серьги типичных салтовских форм - калачевидные, или - или гроздевидной подвеской. В 2 погребениях найдено по серебряной серьге. Чаще у покойных была 1 серьга (11, или 52,4%), немного реже - 2 серьги (4, или 19%), и в одном захоронении - 3 серьги.

Широко распространены украшения в виде перстней и колец из бронзы и железа. Форму щитков железных перстней установить не представляется возможным из-за сильного окисления (8, или 13,3% от погребений с вещевым инвентарем). Бронзовые перстни имели овальный, реже круглый или иной формы щиток, иногда украшенный резным орнаментом (20, или 33,3% от погребений). Количество перстней самое разнообразное - от 1 до 7 в погребении. В 9 погребениях в состав вещевого комплекса входили бронзовые пуговицы (15%), в основном по одному, лишь в 2 случаях по два. Бронзовые пуговицы, зафиксированные в могильной яме, по одной в погребениях (20%); бронзовые бубенчики - в 4 погребениях (6,7%). Характерно, что бубенчики встречались только в детских захоронениях, видимо, играя роль оберегов.

Прочие предметы инвентарного комплекса могильника достаточно редки, не выходят за рамки салтовских древностей. Это железный нож, бронзовая пряжка, кремь, раковины каури, бронзовое шило, пронизи - все они встречаются более 2 раз.

На памятнике преобладают следующие сочетания вещей в погребении: перстень и бусы (7, или 12%); серьги, перстень и бусы (5, или 8,3%); пуговица и перстень (4, или 6,7%); серьги и бусы (3, или 5%). Часто в погребении присутствовал только один предмет. Захоронений с 4 категориями вещей 3 (5%), с 3 категориями - одно (1,7%).

Как видим, богатых погребений крайне мало, да и те отражают скорее социальную, нежели имущественную дифференциацию - около половины из них детские. Вещи достаточно однообразны и имеют аналоги на других салтовских могильниках. Но три погребения резко отличаются от остальных по составу инвентаря. Два из них (№№ 36, 86) - захоронения воинов. В состав вещевого комплекса погребения 36 входили бронзовое зеркало диаметром 10 см., железный нож и остатки двух поясов (бронзовые пряжки, бляшки, обоймы и др.). В числе предметов инвентаря погр. 86 были железные наконечники стрел, железный нож, кресало-шипчики. Эти погребения близки захоронениям Красногорского могильника, где предметы вооружения не являются редкостью. Погр. 144 обращает на себя внимание богатством инвентаря: ожерелье из стеклянных бусин, на запястье левой руки - бронзовый браслет, на правой руке - сложносоставной браслет, включавший в себя 2 бронзовых бубенчика, бронзовых пронизей. Бронзовую же крестовидную подвеску и крупную глазчатую бусину темного непрозрачного стекла.

Таким образом, Червоногусаровский могильник вполне вписывается в ряд прочих грунтовых некрополей салтовской культуры как по конструкции погребального сооружения, позе покойных, так и по инвентарю. Судя по всему население, оставившее его, было оседлым или полукочевым; последнее вероятнее в связи с отсутствием летних погребений. Необходимо отметить тесные связи с Крымом. О характере хозяйства трудно сказать определенно, так как раскопки селища только начались; на самом же могильнике отсутствуют орудия труда. Имущественное расслоение еще не наблюдается, неравенство скорее социального плана.

Традиционно считается, что подобные могильники салтовской культуры принадлежат праболгарам. Предположения археологов были подтверждены антропологическими исследованиями серий черепов со Зливкинского и других могильников. Поэтому правомерно будет за окончательным ответом на вопрос об этносе, оставившем памятник, обратиться к антропологам. Согласно выводам, люди, жившие на территории современного с. Червоная Гусаровка, не были ни болгарами, ни аланами - вторым основным этносом салтовской культуры. Следовательно, можно говорить о неизвестном пока народе, входившем в состав населения салтовской культуры.

1. Алекшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // Вестник института археологии СССР.- 1980.- № 167.
2. Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций.- К.,1985.
3. Петрухин В. Я. О функциях космологических описаний в погребальном культе // Обычаи и культурно-дифференцирующие функции у народов мира.- М.,1979.
4. Фдеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарин: Маяцкий курган.- Волгоград, 1993.
5. Формализованно-статистические методы в археологии / анализ погребальных памятников.- К., 1990.

Зинченко Е.В.
(ХГУ)

Б.Н.Чичерин о деятельности политических партий

Один из зачинателей либерального движения в России Б.Н.Чичерин (1828-1904) был энциклопедически образованным ученым, первым русским социологом. Н.А. Бердяев называл его "редким в России государственным", С.Соловьев - "величайшим европейским ученым" [2, с.7]. Светилом науки того масштаба считали Б.Н.Чичерина и бескомпромисные противники либерализма Н.Г.Чернышевский и В.И. Ленин [5, с. 8].

Актуальность проблем, связанных с сущностью и деятельностью политических партий, не подлежат сомнению. Сегодня Украина строит правовое государство, гражданское общество, в политическую инфраструктуру которого неизбежно входят и политические партии. Ценность взглядов Б.Н.Чичерина на сущность политических партий заключается в том, что он поднимала этот вопрос для практического использования в условиях введшегося введения конституции и гражданских свобод. Именно поэтому он самым тщательным образом рассматривал объективную необходимость